

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А62

Издательство выражает благодарность
литературному агенту *Ирине Горюновой* за помощь
в получении прав на издание книги.

Амис, Яна.

А62 Грязь / Яна Амис. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 240 с. — (Слушать полночь).

ISBN 978-5-699-87473-6

Закрученный сюжет, яркие и правдоподобные детали, динамизм и точный стиль автора — это улики отличного шпионского детектива.

Специалисты секретного отдела внешней разведки расследуют загадочное дело о смерти молодой девушки в номере иностранного бизнесмена Шлюца. Под ногтями жертвы сыщики обнаруживают неизвестное вещество и выходят на след международной мафии, наладившей трафик нового наркотика в Россию. Для слежки за Шлюцем сыщики вербуют недавнего эка, ныне бармена Митяева — но тот не оправдывает «высокого доверия»: перекупленный Шлюцем, он переправляет секретную формулу «грязи» в Японию, а перед этим отдает «должок» — выслеживает своего тюремного насильника и убивает его вместе с сыном. Однако российские суперагенты работают повсюду — и даже на улицах Токио...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87473-6

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

«Прежде чем приходить в такое беспокойство, давайте взглянем на этот вопрос с философской точки зрения. Как это ни прискорбно, грязь окружает нас повсюду. Из грязи мы вышли и в нее же канем, несмотря на душистое мыло и благоухающий розами дезодорант», — с раздражением подумал Георгий Конев, пытаясь обойти огромную лужу во дворе старого московского особняка. Но из этой затеи ничего не вышло и, промочив насквозь свои кеды, он заспешил к крыльцу, скрывающемуся за металлической ажурной решеткой. Дверь в здание оказалась открытой, и он вошел в маленький вестибюль с пожелтевшим от времени плафоном, качающимся под потолком. Именно здесь и находился Отдел особого назначения — сокращенно Оон, — куда он был срочно вызван хозяином конторы Валентином Вулкановым. Поначалу Конев хотел было отбойриться от

визита, но Вулканов, не вдаваясь в подробности, настоял, и на следующее утро Конев вылетел из Питера в Москву.

Так началась деятельность Георгия Конева — международного следователя, профессора криминологии и уникального лингвиста — в роли заместителя главы организации, не имеющей себе равных по размаху деятельности на всем континенте. Поднимаясь по узкой лестнице, он еще этого не знал, хотя и предчувствовал, что встреча с Вулкановым, старым коллегой по международному розыску, изменит его комфортную жизнь до неузнаваемости.

Пролетом выше пришлось сбросить плащ и перебросить рюкзак на плечо. Становилось жарко и как-то муторно. На последнем этаже он остановился перед единственной дверью и сразу же заметил маленькую красную панель с рисунком большого пальца. «Достали уже своей биометрикой», — сплюнул Конев в сердцах и громко постучал. Дверь сразу же открылась, вышел аккуратно подстриженный улыбающийся господин в модном костюме и белой рубашке.

- Валентин Александрович вас ждет.
- Надеюсь, надеюсь, — сухо сказал Конев.
- Прошу прощения, а что в рюкзачке у нас? Георгий поморщился.

— Что у вас, не знаю, а у меня бутылка для Валентина Александровича. Проблемы?

Молодой человек пропустил реплику мимо ушей и устремился по длинному коридору.

— Я на панельку не стал нажимать, у вас моего отпечатка все равно нету.

— У нас есть все.

— Всего даже у ЦРУ нет, — заметил Конев.

— Мы не ЦРУ, но на уровне, — не без гордости заметил проводник.

— А что, например, происходит в случае хирургического изменения пальцевого узора? Как вы тогда гостей или нежеланных гостей опознаете?

На лице молодого человека появилось неприязненное выражение, но он воздержался от комментария и зашагал еще быстрее.

Наконец они очутились перед нужным кабинетом. Здесь тоже висела табличка, гласившая: «Только внутренний персонал». Дверь распахнулась, и показался Вулканов в наброшенном на плечи форменном зеленом халате. В этом одеянии он более походил на врача, чем на международного следователя.

— Спасибо, Владимир Алексеевич, свободны, — кивнул он молодому человеку.

Тот бесшумно испарился.

— Вэлкам, Алис, то май палэс*.

* «Добро пожаловать в мой дворец, Алиса» (англ.).

Вулканов шире распахнул дверь, и Конев очутился в обычном скучном кабинете с незатейливым письменным столом и парой кресел. Они обменялись рукопожатием. Вулканов хлопал старого приятеля по плечу.

— Отлично выглядишь, молоток,— похвалил он Георгия, которого не видел уже лет семь.

— Ты тоже ничего. Совсем не изменился. Спорт, диета?

— Ну, а как же без диеты? По утрам зарядка, а по вечерам классическая музыка для повышения тонуса.

Они по-молодому рассмеялись.

— Спасибо, что примчал, держава тобой гордиться будет, — продолжал Вулканов, приглашая коллегу присаживаться.

— Уже гордится: мне тут орден выдали и в чине повысили.

— Ты что, шутишь?

— Придешь в гости — покажу.

— А меня не повысили. Вот бюрократы!

— Не ценят, — усмехнулся Конев.

— Не любят,— поправил Вулканов, устраиваясь напротив, за письменным столом.

Валентин Александрович начал карьеру в разведке спецагентом, будучи офицером армии. Одновременно учился в Высшей школе секретных служб, где готовились отряды боевиков и разведперсонала для особой работы по борьбе с международным терроризмом. Годы опасной

и активной деятельности промелькнули с невероятной быстротой. Он уже подумывал перейти в какую-то другую сферу, может, даже жениться и детей наплодить, когда наверху вдруг сформировали ООН — Отдел особого назначения. Его срочно отозвали с Востока и велели занимать хозяйский кабинет, несмотря на его «преклонные годы». Несколько лет назад он в полном одиночестве справил свое 60-летие и забыл об этом сразу же после первого стакана. Тем не менее, начальство, хорошо знакомое с его биографией и послужным списком, решило возложить необыкновенную ответственность именно на него. На этом уровне разведки кандидатов почти не было, а молодежь, даже талантливую, привлекать не хотели. Нужен был специфический опыт, а Вулканов именно таким опытом и располагал.

Судьба Вулканова сложилась непросто: родители — работники горсовета — погибли в подозрительной автокатастрофе, близких родственников не оказалось, и в одиннадцать лет он попал в детдом. Там у него были и друзья, и недруги; учителя, к которым он относился с прохладцей, и любимые педагоги. Но особенно Вулканов привязался к директору Степану Григорьевичу — фронтовому другу его отца. Директор помогал с учебной, подкармливал, а его жена Варвара стала приемной матерью для осиротевшего Валентина. Перед армией

Степан Григорьевич отвел будущего бойца в церковь.

— Как же ты у меня, Валька, некрещеный воевать пойдешь? — посетовал он, когда пришла повестка из военкомата.

Вулканов послушался. Он не отрицал Бога, хотя и был на него серьезно обижен за то, что тот так рано отобрал у него родителей.

В армии детдомовца-отличника жаловали за природную сметливость и веселый характер. После службы его карьера пошла вверх, и в международный розыск он пришел не «зеленым» и не блатным, а подготовленным по всем статьям специалистом с глубоким пониманием дела, закаленным в предыдущих операциях. По пути из него получился, всем на удивление, отличный бюрократ: сказывалась детдомовская привычка прислушиваться к советам старших и армейская дисциплина. С языками, правда, было трудно, но он и этот барьер преодолел. Он также научился ни к кому не привязываться и шагать по жизни налегке. Именно это качество позволяло ему бросать всё и вся позади и идти на очередное задание, как в последний бой.

Вулканов был высок, широкоплеч, мускулист. Над прозрачно-голубыми глазами темнели густые русые брови; волнистые волосы, зачесанные наверх, открывали большой лоб, который пересекала голубая жила. Когда он волновался, жилка набухала и начинала пульсировать.

Побыв на солнце, Вулканов покрывался золотисто-коричневым загаром, а глаза его становились еще светлее, еще пронзительнее, и только длинные прямые ресницы никогда не выгорали, а выделялись черной полоской, как искусственная подводка. Лучшее всего он смотрелся в джинсах и спортивной куртке, ладно сидевшей на его широких плечах. В этом прикиде он походил на спортсмена и выглядел гораздо моложе своих лет. Возвращаясь из жарких стран, Вулканов часто ловил на себе долгие взгляды женщин, с легкостью читая в них откровенное любопытство и желание.

На Востоке он был ранен, пуля попала в бедро, но его вовремя домчали в госпиталь, где Вулканова прооперировал один из лучших военных хирургов.

Вулканова подстрелили во время завершения одной из операций на границе с Ираком, когда за ним с товарищами уже прилетел вертолет. Вооруженные банды напали с целью похищения ударного вертолета и экипажа. Пока Ми-28 висел в воздухе и обстреливал вражескую группировку, они с напарником Азгатом пытались забраться в кабину по веревочной лестнице, сброшенной для них пилотом. Азгата ранили в плечо, а Вулканова в ногу.

После операции его восстанавливал физиотерапевт, в течении шести месяцев мучая

Вулканова специальными водными процедурами, массажем и болезненными упражнениями, после которых тот не то что ходить, а даже подняться не мог. Но постепенно боль стала затихать, нога начала двигаться, а Вулканов — медленно, но верно приходить в себя. Наконец курс терапии был закончен, и его выписали.

Вулканов был благодарен Господу Богу, за то, что тот сохранил жизнь ему и Азгату, и по возвращении в Москву заказал молебен в храме. В обычной жизни он появлялся там крайне редко, чувствовал вину за редкость этих посещений, хотя и оправдывал себя плотной занятостью. Деятельность Вулканова была межгосударственной, суперсекретной, и в отечественных разведслужбах он числился просто под кодовым номером. В Скотланд-Ярде его звали «Русским Бондом», но он со Скотланд-Ярдом не дружил. Он вообще мало с кем дружил. В его службе дружбе места не было.

Новая московская контора была восточно-европейским отделением одной из разветвленных структур Интерпола, где работал российский розыскной персонал с многолетним международным опытом в уголовном розыске и экономическом шпионаже. Приняв Отдел особого назначения, Вулканов быстро осознал, что даже его могучие плечи не вынесут весь объем и сложность проектов, хотя бюджет выделили

солидный. Начальство понимало, что не стоит экономить на ключевых сотрудниках, принимая во внимание опасность большинства задач и принципиальную невозможность их разрешения без серьезных затрат.

Для успешного проведения операций требовался эксклюзивный штат, обладающий высоким интеллектом технического склада, военной силовой подготовкой, знанием языков и многолетним стажем в соответствующих службах. В свое время у Вулканова были такие люди, но многие где-то залегли или просто исчезли из жизни. Конев был одним из старых контактов по разведке, его Вулканову, хотя и не без труда, но удалось разыскать, и он был рад видеть старого коллегу после стольких лет разлуки у себя в кабинете.

— Конторка у тебя неплохая: мебель с помойки, никаких раритетов, в общем, режим соблюдаешь, — заметил Конев, без энтузиазма разглядывая кабинет. — Какое у тебя тут основное направление?

— Биотеррор, преступления против малолетних, грязь, какая только есть.

— Наркота? Перегон рабов? — живо заинтересовался Георгий.

— Если пересекаемся, работаем. Упор на химиопродукт: персистант органик поллютантс...

— То есть постоянные отравляющие вещества...

— Точно. Деградация устойчивой окружающей среды. В общем, вдоль и поперек по таблице Менделеева.

— Химбиопродукт сам по себе редко ходит, — заметил Конев со знанием дела.

— Безусловно. А что им пустые ящики взад-вперед гонять? Как правило, есть побочная активность, — согласился Вулканов.

— Кто у тебя химией командует?

— Логинова — заведующая лабораторией.

— Любовь Ивановна которая.

— Она самая.

— Талантливая девушка. Мы с ней учились вместе, аж в прошлом веке.

— Талантливая, только мнения о себе слишком высокого. Девушки у меня всегда есть, Жор, вот помощник нужен. Вроде как обычный сотрудник — и в то же время ключевой человек, но чтобы это было не очевидно. Если где что со мной, чтоб было кому контору подхватить, понимаешь?

— Опять Родина зовет, что ли?

— А куда от нее деваться? Зовет, мать, зовет.

Они оба замолчали. Вулканов достал бутылку коньяка и два желтых лафитника.

— Смотри, красавцы какие, на толкучке купил. Палили раз десять, а не бьются.

— Прямо как мы с тобой, Валь. По-честному, я на пенсию уже давно вышел.

— Давай, присоединяйся. Платим большой, я бы сказал, умопомрачительно большой бакс.

— С баксами у меня все в порядке. Хватит на три жизни, — скромно заметил Конев.

— У меня такого калибра людей, как ты, нет, — тихо, но настойчиво продолжал Вулканов, — и взять их сегодня неоткуда.

Говорил он, откупоривая бутылку и как бы не замечая возражений Конева.

— Иногда даже и посоветоваться не с кем. Иногда нужен просто умный человек, чтоб в другом ракурсе на ситуацию взглянуть, логику применить, химию проверить, понимаешь? Пока сам справляюсь, но, в конце концов, дело начнет страдать. Я, Жора, просто солдат, а ты ученый. Так что, как ни крути, без таких пацанов, как ты, международный розыск накроется медным тазом.

Он разлил коньяк и достал из ящика коробку шоколадных конфет.

— Угощайся, девушка нелюбимая принесла.

Конев в это время раздумывал, как ему поступить: с одной стороны, ему не хотелось влезать в новую сложную историю, с другой — было интересно проверить свои профессиональные качества. Кроме того, у него был план: он по-настоящему подумывал купить остров где-нибудь вдали от цивилизации, осесть там на старости лет и начать писать книжки по криминологии. Хотя Георгий и выглядел лет на десять

моложе своего паспортного возраста, но старость была не за горами. Дополнительная сумма за последний «предпенсионный» проект ему не повредит.

— Ладно, Валя, — вздохнул он, — ничего не обещаю, но обещаю подумать.

— Ну, и на этом спасибо.

— Вот, посмотри, — Вулканов протянул желтый конверт.

Конев вытащил несколько фотографий и разложил их на полукругом столе. Он достал лупу и начал внимательно рассматривать фотографии женского трупа. На локтевом сгибе были еле заметны крошечные отверстия, сделанные либо шприцем, либо хирургической иглой. На увеличенном фото кисти Конев обратил внимание на необычный, ядовито-желтый цвет кожи и черные полосы под ногтями.

— В песочнице вы ее нашли, что ли?

Вулканов протянул отчет. Конев начал внимательно читать первую страницу, брови его поползли вверх: по мнению следователя и директора лаборатории Оон Логиновой, жертва скончалась от отравления мультикомпонентным коктейлем. Пробы биологической жидкости и костных тканей указывали на присутствие опасных и малоизвестных отравляющих веществ.

— Честно тебе сказать, Валь, такого я еще не видел.

— Это только начало. Гостиницу даже толком не смотрели.

— А холодильник у тебя где?

Вулканов указал на дверь в конце кабинета.

— А я и не заметил.

— Сноровку теряешь, пора в поле, на задание.

— Давай выпьем сначала, — предложил Конев.

— Что, интересно стало?

— И по опыту, и по совести, Валь, очень даже интересно.

— Давай с девушкой сначала познакомимся, а потом выпьем.

Конев собрал фотографии и уложил их в конверт. Он поднялся и стянул с вешалки зеленый халат. Из рюкзака достал белую маску в упаковке и резиновые перчатки, приобретенные в Бангкоке.

Конев был небольшого роста и довольно хлипкой конституции, и ему было сложно находить подходящую по размеру экипировку, необходимую для его необычной деятельности. Когда появлялась возможность, он закупал вещи буквально коробками и пачками. Ярко-оранжевые, безразмерные перчатки внутри были пропитаны специальным гелем, натягивались без всяких сложностей и в тоже время плотно прилегали. Они предохраняли от инфекции и высоких температур.

— Перчаточки такие где надыбал? — поинтересовался Вулканов.

Конев с улыбкой достал еще пару и бросил коллеге.

— Безразмерные. Угощайся.

— Видишь, мы с тобой какие, — воскликнул Вулканов, без труда натягивая перчатки, — прямо как два Микки Мауса! Ну, пошли с девушкой знакомиться.

Он открыл дверь, ведущую на заднюю лестничную площадку. Они спустились и как-то сразу оказались перед небольшим моргом. В административном отделении сотрудник в белом халате оторвался от работы, приветствуя начальство.

— Здравствуй, здравствуй, Леня, свежо тут у тебя, — заметил Вулканов.

— У нас все, как у людей, Валентин Александрович.

— Это у вас первичный приемник? — поинтересовался Конев.

— Так и есть, первичный, — с удовольствием отвечал тот. — Сюда исходные данные вносим прямо по прибытию. Это время экономит, и копать потом нигде не надо, все в одном месте. И Валентину Александровичу ходить далеко не надо.

— Молодцы, — похвалил Георгий.

— Стараемся обслуживать в лучших традициях, — весело продолжал сотрудник, — им,